

В. Т. ЧШИЕВ,

ЦСАИ им. В. И. Абаева, Владикавказ

КАВКАЗСКАЯ «ТРОЯ» ПРОФЕССОРА Б. В. ТЕХОВА: НАУЧНЫЙ ПОДВИГ СКРОМНОГО ЧЕЛОВЕКА

6 декабря 2017 г. на траурном митинге, прошедшем в г. Владикавказе, мы простились с видным ученым-кавказоведом, заслуженным деятелем науки Южной Осетии, профессором Багратом Виссарионовичем Теховым.

Б. В. Техов (1930–2017 гг.)

Баграт Виссарионович родился 1 октября 1930 г. в селе Уаллаг Чере Цхинвальского района Юго-Осетинской Автономной области. Окончив среднюю школу, он поступил на факультет осетинской филологии Сталининского государственного педагогического института, который окончил с отличием в 1952 г. По окончании вуза год преподавал в родной сельской школе. С 1953 по 1956 гг. – аспирант Института истории, археологии и этнографии АН ГССР по специальности «археология». Окончив аспирантуру, Б. В. Техов начал свою трудовую деятельность в Юго-Осетинском научно-исследовательском институте, пройдя путь от младшего научного сотрудника до заведующего отде-

лом археологии. С 1978 года по 1994 г. возглавлял ЮОНИИ в качестве директора. С 1998 по 2001 гг. работал в Институте истории и археологии при СОГУ им. К. Л. Хетагурова в должности ведущего научного сотрудника. С 2001 г. и до конца жизни трудился в Центре скифо-аланских исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН. Свою научную работу Баграт Виссарионович, уже в начале своего трудового пути, сочетал с педагогической и общественной деятельностью. В течение ряда лет он работает в звании профессора на кафедре истории Юго-Осетинского государственного педагогического института, был депутатом и членом Президиума Верховного Совета ГССР, награжден орденом Дружбы.

И все же основная сфера многолетней плодотворной научной деятельности Баграта Виссарионовича связана с исследованиями такого интересного феномена кавказской археологии, как кобанская культура. Б. В. Техов, как отмечалось выше, начал работу по исследованию памятников кобанской культуры уже в 50-е гг. 20 в. За более чем полувековую исследовательскую деятельность им проведены масштабные раскопки большого числа различных памятников от эпохи ранней бронзы – до позднего средневековья, расположенных на обоих склонах Главного Кавказского хребта. Среди них и по масштабности раскопок, и по важной роли для исторической науки и для культуры Кавказа в целом первое место занимает Тлийский могильник. Трудно переоценить значение этого богатейшего некрополя, где благодаря самоотверженности Б. В. Техова в труднодоступном высокогорье раскопано более 500 погребений с уникальнейшими, мирового культурного значения предметами. Баграт Виссарионович проработал, стратифицировал, продатировал весь этот огромный пласт древней истории, начиная от самых ранних материалов памятника – от рубежа средней и поздней бронзы Кавказа и вплоть до скифского времени. Это касается как вещевого инвентаря могильника, особенностей планиграфии погребений, погребального обряда, так и социальной и поло-возрастной характеристик, а также и других аспектов древнего населения, оставившего этот уникальный памятник. На основе материалов Тлийского могильника Б. В. Теховым была создана хронологическая периодизация для всей южной группы древностей центрального варианта кобанской культуры. По его мнению, кобанская культура, ранний этап которой относится исследователем к эпохе поздней бронзы, проходит затем три этапа эпохи раннего железа: I – 10-9 вв. до н.э.; II – 8 – середина 7 в. до н.э.; III – середина 7-4 вв. до н.э. (Техов, 1977). Им были изучены и прояснены основные вопросы жизнедеятельности древнего населения Тли: металлургия и металлообработка, керамическое производство, животноводство и земледелие, охота, рыболовство, ткачество, обработка кожи. Не осталась вне внимания ученого и такая отрасль, как пчеловодство, без которого было бы невозможно масштабное применение древними «кобанцами» восковых основ для фигурного литья бронзы, а также и вспомогательные промыслы. Мастерами Тли применялись такие технологии, как литье в составных каменных, земляных, керамических формах, литье по утрачиваемой керамической модели (с формовкой глины на основе восковой модели), горячая и холодная кузнечнаяковка, гравировка иглой, резцом, инкрустация металла и другие высокотехнологические промышленные приемы. Материальная культура тлийских «кобанцев» благодаря исследованиям ученого предстает перед нами во всей своей

многогранности и высоком уровне развития, её наряду с артефактами Верхнего Кобана без преувеличения можно назвать вершиной бронзовой индустрии Кавказа этого времени.

Обращаясь к прояснению социальной структуры тлийского общества, Баграт Виссарионович выделяет общинников-воинов и вождей племени или общества. С последними связаны престижные виды вооружения и символы власти – булавы-скипетры. Среди них такие уникальные, как бронзовые булавы из погребений № 57 и 227, покрытые высокохудожественным гравированным орнаментом, изображающим рыб, собак, барса, лошадь и человека. Наличие в некоторых захоронениях посохов, украшенных бронзовой лентой по всей длине и увенчанных бронзовыми изображениями быков или фантастических животных, свидетельствует о наличии в тлийском обществе сословия жрецов.

Духовная культура тлийских кобанцев рассматривается Теховым опираясь на элементы погребального обряда могильника и на многочисленные сложнокомпозиционные сюжеты графического искусства древних «тлийцев». Анализ духовного мира населения Тли показал многоплановую идеологию и религию этого населения, где наряду с антропоморфными и зооморфными персонажами присутствуют и солярные, и хтонические образы.

Прослежены ученым и культурно-экономические контакты древних «тлийцев». Причем установлены не только взаимоотношения с другими культурами Закавказья и Передней Азии, но и с Северным Кавказом и Предкавказьем. В частности, для периода 7-6 века выявлены тесные контакты со скифским культурным миром. Примечательно в данном контексте наличие в этом высокогорном центральнокавказском могильнике предметов второй половины 7 и 6 вв. до н.э., типичных для скифских племен Северного Причерноморья и Предкавказья.

Важной вехой в кавказской археологии стали раскопки и научная интерпретация Баграмом Теховым Стырфазского могильника. Если масштабное исследование Тлийского некрополя стало важным этапом в прояснении ключевых вопросов кобанской культуры классического и позднего периодов, скифского времени, то, напротив, Стырфаз имеет исключительное значение для прояснения «белых пятен» ранней истории культуры, эпохи ее зарождения и становления. Разведки и раскопки этого интересного памятника были начаты Б. В. Теховым в 1955 году. В результате этих работ у скалы «Шаршиаты Кадзах» были получены археологические материалы, датирующиеся концом 2 тыс. до н.э. В 1963 г. стационарными раскопками экспедиции Юго-Осетинского научно-исследовательского института АН Грузинской ССР под руководством Б. В. Техова

здесь был выявлен могильник с кромлехами, расположенный ниже шоссе-сейной дороги, у самого русла р. Большая Лиахва. В 1963 г. экспедицией были раскопаны девять кромлехов. Из них в пятом кромлехе было выявлено несколько потревоженных, плохо сохранившихся скелетов, а в кромлехе № 9 – два захоронения, мужское и женское. Остальные кромлехи раскопок 1963 года содержали по одному погребению. В 1974 и 1976 годах экспедицией под руководством Б. В. Техова были исследованы еще два кромлеха – десятый и одиннадцатый. В десятом кромлехе было выявлено одиннадцать погребений, и в одиннадцатом – пять. Таким образом Б. В. Теховым были исследованы одиннадцать кромлехов, содержавших 26 погребальных комплексов. Погребальные сооружения Стырфазского могильника представляли собой грунтовые ямы, обложенные крупными и засыпанные мелкими и средними камнями – валунами. Этими же камнями над погребенными воздвигались невысокие насыпи. Во всех погребениях прослежена специально устроенная подстилка, состоящая из мелких камней или крупнопесчаного грунта (Техов, 2000, с. 34). Наконец, вокруг и индивидуальных, и коллективных погребений сооружались круги из крупных валунов – кромлехи. Погребенные располагались на правом или левом боку в скорченном состоянии. Мужские костяки располагались на правом, а женские – на левом боку. Ориентировка костяков произвольная – преимущественно, в тех случаях, когда удалось ее выявить (часть гробниц потревожена и частично разрушена), это направление на восток, юг, север, юго-восток – северо-запад. Как минимум, часть захоронений сопровождалась жертвенной пищей. Это кости барана или череп (или череп и кости конечностей) крупного рогатого скота. В некоторых случаях, в частности в кромлехе № 9, был зафиксирован целый скелет барашка. В насыпи погребений, вместе с грунтом и камнями, были найдены фрагменты керамики и кости крупного и мелкого скота, вероятно элементы тризны (Техов, 2000, с. 10-14). Интересным элементом погребального обряда памятника является наличие в погребениях угля. В частности, в кромлехе № 9 «погребальная яма была засыпана древесным углем» (Техов, 2000, с. 13). В некоторых захоронениях угольки встречались в насыпи могил (Техов, 2000, с. 17, 29.) Также в могильнике отмечена такая деталь погребального обряда, как обкладывание отдельных захоронений камнями в форме квадрата (Техов, 2000, с. 16). Наконец, безусловной составной частью погребального обряда памятника можно считать помещение в погребения кусочков красной охры (Техов, 2000, с. 29, 30). Еще одной интересной особенностью погребального обряда могильника является обычай помещения в погребения сосудов, содержавших древесный уголь. Так, например, в погребении 4 кромлеха № 11 находилась одноручная

керамическая банка, наполненная древесными угольками (Техов, 2000, с. 30). Благодаря планомерным раскопкам экспедиции Юго-Осетинского НИИ под руководством Б. В. Техова удалось получить целостную полноценную картину погребального обряда и других данных памятника. Также в руки ученых поступил обширный, интересный археологический материал.

В 60-е гг. Баграмом Теховым были проведены разведочные археологические работы на Дзарцемском могильнике. Здесь им был выявлен интересный материал, позволивший раздвинуть хронологические рамки данного памятника. Экспедицией Б. В. Техова были обнаружены: фрагменты бронзового сосуда, пластинчатая дужка от бронзовой фибулы, кинжальный клинок с ребром жесткости, браслеты из бронзового прута, две статуэтки баранов, поверхность тела которых покрыта плетеным узором, имитирующим завиток шерсти, железная дуговидная фибула, глубокая керамическая миска с поддоном и керамическая кружка с зооморфной ручкой.

Эти и многие другие древние памятники южной части Иристонна были им обобщены и проанализированы в фундаментальном научном труде «Археология южной части Осетии», изданном в 2006 г. Это обширное монографическое исследование, в котором им собраны и отражены все известные на тот момент памятники материального культурного наследия Южной Осетии, от древнекаменной до средневековой эпохи, стало настольной книгой всех исследователей, занимающихся археологией Кавказа.

В 1989 г. на Зарамагском поселении кобанской культуры в высокогорье Алагирского р-на РСО-Алания были проведены разведочные раскопки объединенной экспедицией СОИГСИ, СОГОМИАЛ, СОГУ и ЮОНИИ под руководством Б. В. Техова. В ходе археологических работ были найдены фрагменты чернолощенных орнаментированных сосудов, керамические зооморфные ручки, бронзовые стрелы-площички, слитки бронзы, пряслица, каменные зернотерки и другие артефакты. Время бытования поселения, на основании этого археологического материала датируется 9-6 вв. до н.э. (Техов, 1989 с. 12; Кузнецов, 1989, сс. 1-2, 17). Итоги работ экспедиции под руководством Техова показали, что даже в высокогорье Северной Осетии, на высотах около 2-х км н. у. м. не только присутствовали бытовые памятники кобанской культуры, но что жители этих поселений осуществляли широкую промышленную деятельность в области металлургии и металлообработки, керамического производства.

Существенное место в трудах Б.В. Техова отведено также проблемам культурной атрибуции югоосетинских материалов эпохи поздней бронзы – раннего железа и этноязыковой принадлежности оставивших их племен.

Одна из основных заслуг исследователя состоит в том, что он доказал единство материалов Тли и Кобани, составляющих, таким образом, памятники северной и южной групп кобанской археологической культуры (Техов 1957; 1974; 1977; 1981; 1985; 1988; 1996; 2000; 2001; 2002; 2006).

Еще одна важная для кавказоведения научная проблема – вопросы взаимоотношения коренного местного населения – носителей кобанской культуры со степными и предкавказскими ираноязычными племенами, также нашла широкое отражение в трудах Б. В. Техова.

По отношению к личности Баграта Виссарионовича часто приходится пользоваться термином «первый». Первый профессиональный археолог из осетин, первый осетин, защитивший ученую степень доктора наук по специальности «археология», первый осетин, осуществивший масштабные археологические исследования на территории Осетии – около полутора тысяч погребений уникального Тлийского могильника, около трех десятков комплексов Стырфазского некрополя, раскопки в Ожора и Мечхуме, Едыс, Гушаре, Осприси, Жинвали, Зарамаге и других памятников. Как отмечено выше, ему первому из исследователей оказалась по плечу и такая титаническая работа, как сбор и систематизация огромного пласта интереснейших памятников южной части Иристонна, нашедшая отражение в фундаментальной обширной монографии – «Археология южной части Осетии». Вектор этих связей оказался гораздо обширнее, чем представлялось ранее. Как установлено Багратам Виссарионовичем, он включал не только Восточно-Грузинскую, Колхидскую и другие культуры Закавказья, но также и население раннеклассовых государств Передней Азии и Ближнего Востока, Урарту, Ассирию, Мидию, Египет. Им же были прослежены и связи высокогорных кобанских памятников в северном и северо-западном от Кавказа направлениях – с племенами скифо-сарматского культурного круга. На материале Тли и других памятников Баграт Виссарионович прояснил и структуру хозяйствования кобанских племен, состав использовавшихся ими металлов, черты духовной жизни, военной организации и др., вплоть до элементов их медицинской практики. Им одним из первых создана графическая реконструкция системы украшений и схемы парадного / погребального костюма древнего населения Южной Осетии. До исследований Б. Техова на территории Южной Осетии были проведены лишь эпизодические археологические работы, большей частью в конце 19 – начале 20 века. При этом зачастую носившие или грабительский характер, или производившиеся методами, далекими от требований научной

Б. В. Техов за работой в своем рабочем кабинете. Фото Р. Кулумбегова

Б. В. Техов и Р. Х. Гаглойти во время раскопок

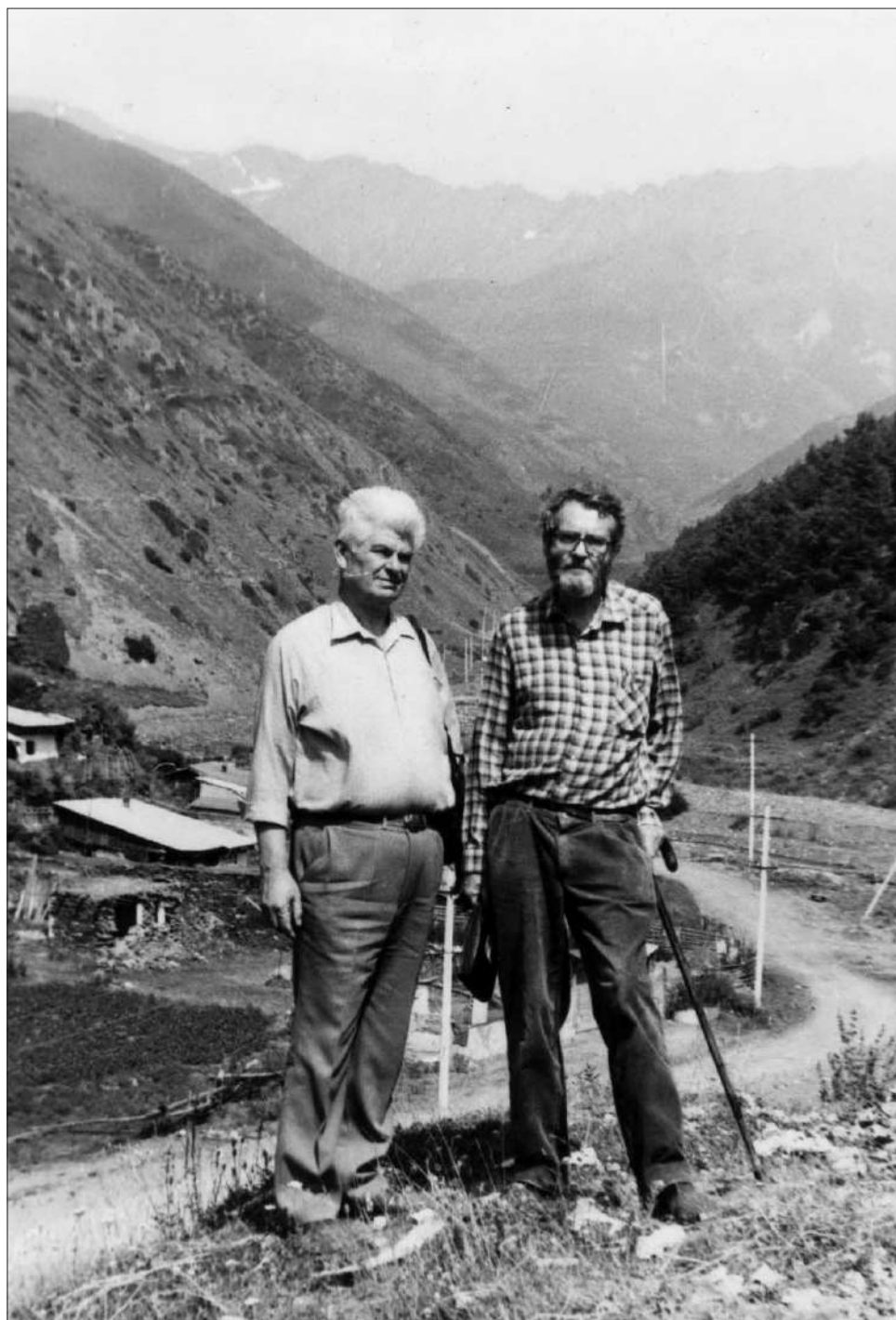

Б. В. Техов (крайний справа стоит в III ряду) в кругу интеллигенции.
Слева направо: I ряд – А. Г. Маргиев, Л. А. Чибиров, В. И. Абаев, Г. П. Дзаттиаты,
Г. С. Котаев; II ряд – К. Г. Цхурбаева, В. К. Хачирова; III ряд – Н. Ф. Задиев,
К. П. Пухаев, К. С. Челехсаев (пятый слева). Цхинвал, нач. 80-х годов

Слева направо: З. П. Цховребов, М. И. Исаев, Б. В. Техов, З. А. Битарова (6-ая),
Н. Я. Габараев, Н. Х. Кулаев, Г. П. Дзаттиаты, А. Л. Бязров. Цхинвал, 70-е годы

Б. В. Техов и Фридрих Тордарсон, известный норвежский иранист,
специалист по осетинскому языку

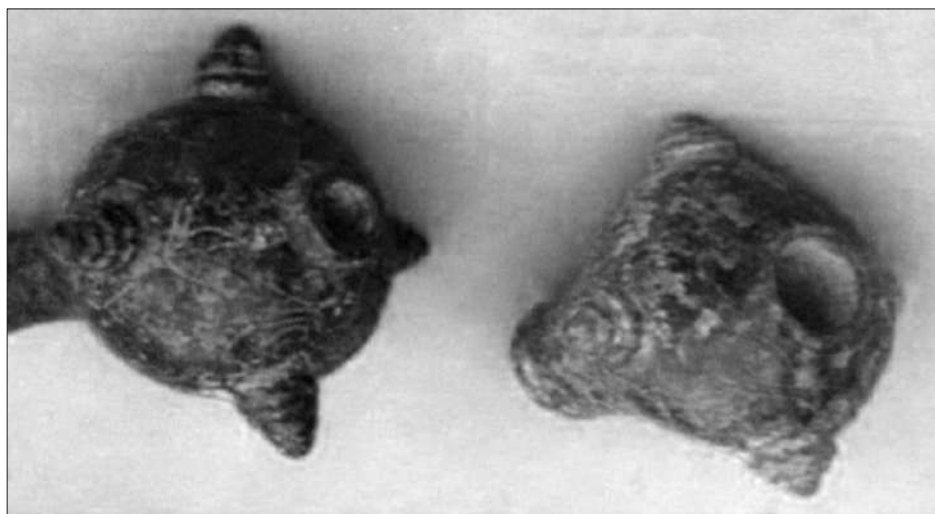
Слева направо: Н. Я. Габараев, Б. В. Техов, В. И. Абаев, Г. П. Дзаттиагы,
В. Икаев, Ю. А. Дзицойты и З. А. Битарти

Бронзовые привески в виде коней. Тлийский могильник.
Раскопки Б. В. Техова

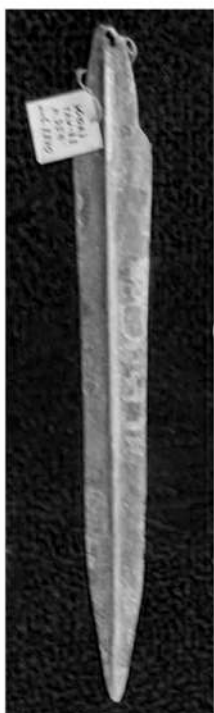
На очередном заседании у директора. Слева направо: Ф. Д. Техов,
М. П. Сонакоев, Н. Я. Габараев, Б. В. Техов, Х. А. Дзуццати, Н. Г. Джусоев,
К. П. Пухаев

Бронзовые навершия булав. Глийский могильник.
Раскопки Б. В. Техова

Бронзовые топоры Тлийского могильника. Раскопки Б. В. Техова

Материалы Тлийского могильника. Раскопки Б. В. Техова

методики. Благодаря многолетним фундаментальным полевым и теоретическим исследованиям Баграта Виссарионовича Южная Осетия стала одним из наиболее изученных в археологическом плане регионов Кавказа. А югоосетинские памятники археологии, в первую очередь – Тлийский могильник, встали в один ряд в международном научном информационном пространстве с Кармир-Блуром, Гальштаттом, Помпеями, Троей и другими знаковыми объектами мирового научного и культурного наследия.

В 1991 г. Баграт Виссарионович вместе с коллегами из Цхинвала и Владикавказа вывез и тем самым спас от уничтожения в огне наступающей войны уникальные археологические материалы из Тли, Стырфаза и других югоосетинских памятников. Если мы вспомним, как были варварски уничтожены или расхищены бесценные шедевры мировой культуры во время недавних войн в Ираке, Сирии, Ливии и других «горячих» регионах, то станет понятно, что эта же участь постигла бы и наши артефакты, они бы навсегда были потеряны не только для нашего народа, но и для науки и культуры всего мира. Как отмечено в поздравительной телеграмме Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Южная Осетия в Российской Федерации Знаура Гассиева, направленной Техову в честь 85-летнего юбилея ученого: «Именно усилиями Баграта Техова во время начальной стадии обострения грузино-осетинского конфликта экспонаты из Тлийского могильника были доставлены в Национальный музей РСО-Алания на временное хранение. В 1992 году, вплоть до 2015 г., ученый фактически сам оставался главным хранителем этих бесценных артефактов, предметов культурного наследия Осетии». Добавим к этому – не только хранил, но и **сохранил**, что в «лихие 90-е годы» было не так просто.

В свой «владикавказский» период жизни Б. В. Техов успешно осуществлял еще и функции главного редактора авторитетного международного научного журнала «NARTAMONGÆ» (вместе с выдающимся французским ученым-лингвистом Франсуа Корнийо). Уже на закате своей научной деятельности Б. В. Техов передал бразды руководства этого международного печатного органа, имеющего исключительное значение для развития и позиционирования осетиноведения в сфере современной мировой научной мысли, в руки А. Л. Чибирова. Отрадно, что новый главный редактор, сменивший Б. В. Техова на этом, без преувеличения, сложном и ответственном посту, вместе с Агусте Алеманем, Ю. А. Дзиццойты и другими соратниками успешно продолжает эту важную работу – «NARTAMONGÆ» живет и развивается дальше.

Широкий масштаб личности Баграта Виссарионовича и большая научная работа, проводившаяся им, не могли не притягивать к ученому и исследователям-специалистам, и простым людям. В частности, Техов был

лично знаком и поддерживал плодотворные научные контакты с известными учеными-археологами, историками своего времени из Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси, Сухума, Берлина, Парижа, Осло и других регионов. Это Р. М. Мунчаев, В. И. Козенкова, В. Б. Ковалевская, К. Х. Кушнарера, С. Н. Кореневский, О. Д. Джапаридзе, А. М. Апакидзе, Г. А. Ломтатидзе, А. Н. Каландадзе, Р. М. Рамишвили, К. Н. Пицхелаури, Г. Ф. Гобеджишвили, Л. Н. Панцхава, М. П. Абрамова, Франсуа Корнийо, Фридрих Тордарсон, Г. Мюллер-Карпе, Ю. Н. Воронов, С. Л. Дударев, В. А. Кузнецов, А. И. Джопуа и многие другие. Его книги издавались в Цхинвале, Тбилиси, Владикавказе, Москве. Отметим, что мы, более молодые коллеги Баграта Виссарионовича, сегодня, в начале 21 века, при такой широкой возможности для международного и регионального общения, как сейчас, не можем похвастаться таким интересом со стороны ученого сообщества к плодам своей научной деятельности. Не ослабевает, но, напротив, увеличивается интерес к трудам Баграта Виссарионовича и в последние 20-30 лет, как со стороны ряда вышеперечисленных авторов, так и представителей следующего поколения исследователей. Это работы А. П. Мошинского, А. Ю. Скакова, А. Б. Белинского, С. Б. Вальчака, В. Р. Эрлиха, М. Т. Кашубы, В. Е. Маслова, Ю. А. Прокопенко, Г. Н. Вольной, С. Б. Буркова, Е. Е. Васильевой и многих других исследователей древнекавказской истории и археологии. Из иностранных ученых – И. Мотценбеккер, А. Хайнрих, С. Райнхольд, Б. Тержан. Можно только пожелать каждому исследователю подобную востребованность своих трудов со стороны представителей науки и культуры. Небольшой, но показательный штрих – в ночь, когда не стало Баграта Виссарионовича, я как раз засиделся допоздна с одной из его монографий.

Чтобы в полной мере оценить труд Б. В. Техова, необходимо представить в общих чертах, что представляла собой его работа как археолога. Сверху печет палящее солнце, снизу сырая земля. Между ними – археолог, который должен вернуть из небытия фрагменты древней истории. Другими словами, то, что должно было навсегда кануть в Лету, извлечено им из неизвестности, получило вторую жизнь и будет теперь веками служить культуре и истории народа. В первую очередь не в качестве материальных предметов, а в духовной, интеллектуальной сфере. Во время работы экспедиции Баграта Виссарионовича в с. Тли не было кафе и столовых, гостиниц с горячей водой и бытовыми удобствами. Провинциальное селение было лишено элементарных благ современной цивилизации. В таких условиях экспедиция неутомимого исследователя отработала около 30 полевых сезонов. Плоды этой работы, а это около 6000 артефактов, находятся сегодня в экспозиции Национального музея Южной Осетии, фондах ЮОНИИ им. З. Ванеева. Они отражены в сотнях научных работ, количество которых

будет умножаться со временем, так как интерес в научном мире и у нас, и за рубежом к Тлийским и другим комплексам, выявленным и введенным в научный оборот Багратором Виссарионовичем, будет кратно умножаться. Пример – относительно недавняя обширная работа немецкой исследовательницы Б. Тержан, в которой социальная структура древнекавказского общества исследуется с опорой исключительно на комплексы Тлийского могильника (Б. ТЕРЖАН. В поисках Медеи, 2012).

Обращаясь к археологическим исследованиям ученого, мы, как правило, имеем в виду Тлийский могильник. Но ведь такой крупный некрополь должны были оставить жители не менее обширного поселения? Я задавал этот вопрос Баграту Виссарионовичу. Отмечу, что это интересовало не только меня, но и многих других исследователей кобанской культуры. Он ответил, что поселение есть, и он знает, где, но чтобы его исследовать, нужны большие средства и возможности, которых сегодня нет. А начать раскапывать его и затем оставить слишком опасно. В этом районе сегодня почти нет местных жителей, и памятник может стать жертвой ограбления со стороны «черных копателей». Как отмечалось выше, еще на одном, едва ли не самом высокогорном поселении кобанской археологической культуры – Зарамагском, в 1989 г. Багратором Виссарионовичем вместе с коллегами из СОИГСИ РАН и Национального музея РСО-Алания были произведены первые небольшие раскопки.

К слову, спустя 18 лет после этого, во время открытия и моих раскопок на Адайдонском могильнике кобанской культуры здесь же в Зарамагской котловине, Баграт Виссарионович в личных беседах неизменно интересовался новыми материалами этого интересного памятника. При этом он отметил, что не удивлен обнаружением здесь нового обширного некрополя, так как всегда был уверен, что благодатная земля Иристана, и на Юге, и на Севере, хранит еще много уникальных памятников кобанской культуры.

Многолетняя научно-практическая деятельность Баграта Виссарионовича в области полевой археологии сочеталась с не менее обширной работой по научной интерпретации и публикации выявленных артефактов. Б. В. Техов – автор около 300 научных работ, в том числе 15 монографий. Надо сказать, что рукопись еще одной монографии исследователя, в которой Багратором Виссарионовичем подготовлены к печати последние не публиковавшиеся ранее материалы Тлийского могильника, вот уже многие годы пылится в редакции во Владикавказе, за неимением финансирования для издания.

Учитывая все вышеизложенное, тем более парадоксально выглядит почти полное отсутствие имени этого осетинского исследователя в

последние два-три десятилетия в широком медиа- и информационном пространстве, как юга, так и севера Осетии – Иристана. В среднем – одно упоминание или короткое интервью в 8-10 лет. Отсутствует Б. В. Техов и в интернет-энциклопедии Википедия. В справочнике персоналий Осетии 1995 года, где широко представлены, к слову, футболисты республики (при всем к ним большом уважении), он также отсутствует, притом что Баграт Виссарионович к этому времени уже несколько лет жил и работал во Владикавказе. Нет его имени и в справочнике «Осетия: календарь памятных дат» 2010 года (к слову, юбилейного для Техова, год 80-летия ученого) и во многих других подобных изданиях. В замечательной обширной энциклопедии Казбека Челехсаты «Осетия и осетины» (2009 г., 959 страниц) о Баграте Техове – три с половиной строки. Приводим их полностью, как редкий случай: *«Техов Б. В. – доктор исторических наук, профессор. В течение долгого времени занимался исследованием уникальных могильников эпохи средней и поздней бронзы Стырфаз и Тли на территории Южной Осетии. С 1978 по 1994 год возглавлял Юго-Осетинский НИИ, в настоящее время возглавляет Центр скифо-аланских исследований ВНЦ РАН и Правительства РСО-А»* (с. 611).

Археология, которой Б. В. Техов посвятил всю сознательную жизнь, имеет некоторые свои особенности. В частности, процесс становления археолога отличается, скажем так, от обучения хорошего инженера. В силу ряда специфических черт, например – доступ к предметам, имеющим большую и материальную, и культурную ценность, в археологии наука развивается, как правило, в рамках «школ», в которых большое значение имеет личностный фактор. Вероятно, в результате малочисленности нации процесс складывания осетинской школы археологии протекает не так успешно, как хотелось бы. В этом плане Баграт Виссарионович снова первый. Его ученики – д. и. н., ведущий научный сотрудник СОИГСИ ВНЦ РАН Р. Г. Дзаттиаты, к. и. н., старший научный сотрудник ИИА РСО-Алания А. Х. Сланов, к. и. н., директор ЮОНИИ Р. Х. Гаглойти достигли больших успехов на ниве исследования науки о древностях, многие остальные – плодотворно работают в других научных и общественных сферах.

Часто, чтобы оценить жизнь человека, важны искренне произнесенные о нем слова в последний день его нахождения на земле. Нет необходимости приводить добрые слова, сказанные о достижениях Баграта Виссарионовича и его заслугах перед Осетией-Аланией главами РСО-Алания и РЮО–

Государство Алания В. З. Битаровым и А. И. Бибиловым, руководством Владикавказского Научного Центра РАН, его друзьями и сотрудниками во Владикавказе, они широко известны. Приведу выдержки из части присланных искренних соболезнований семье, близким и народу Осетии, которыми почтили уход своего старшего коллеги, согласно и кавказским, и русским обычаям, представители научного сообщества Кавказа и России:

Дорогие друзья, семья и близкие Баграта Виссарионовича, коллеги!

Отечественная археологическая наука понесла тяжелую утрату – ушел из жизни замечательный ученый и человек, видный отечественный археолог, навсегда вписавший свое имя в историю нашей науки своими исследованиями кавказских древностей и, в первую очередь, такого яркого памятника, как знаменитый Глийский могильник. Его упорный труд и преданность избранному пути, которому наш старший друг посвятил всю свою жизнь, даже в тяжелые годы разрух и потрясений снискали Баграту Виссарионовичу искреннее уважение коллег. В эти тяжелые минуты мы вместе с вами разделяем тяжесть случившегося и приносим наши соболезнования и слова сочувствия родным и близким Баграта Виссарионовича Техова.

От имени археологического сообщества Чеченской Республики –

*Руководитель Центра археологических
исследований Академии наук ЧР*

Х. М. Мамаев

г. Грозный

Прошу передать родным и вашему руководству мои глубокие сожаления. Вот и еще одним «кобанцем» стало меньше. Безмерно жаль хорошего человека и великого труженика в науке. Его Глийский могильник всегда будет потрясать ученых и любителей древностей Кавказа.

*Д. и. н., ведущий сотрудник
Института Археологии РАН*

В. И. Козенкова

г. Москва

Ушел из жизни блистательный ученый, один из крупнейших специалистов – археологов Кавказа – Баграт Виссарионович Техов. Его жизнь – это яркий пример беззаветного и преданного служения науке. Его уважали за взвешенный и умелый подход к решению научных задач, за чувство

ответственности, за верность делу, которому он посвятил всю свою жизнь. Уход из жизни Баграта Виссарионовича – большая, невосполнимая потеря для кавказской археологии. Выражаю искренние соболезнования семье, родным и близким покойного. Светлая память.

*Заместитель директора Археологического
центра им. Е.И. Крупнова,
Республика Ингушетия*

У. Б. Гадиев

г. Назрань

Коллектив Института Археологии РАН выражает искренние соболезнования родным, близким и друзьям в связи с кончиной известного ученого-археолога Баграта Виссарионовича Техова. Его труды по археологии известны и востребованы далеко за пределами Осетии. Многие сотрудники института знают его как замечательного человека и квалифицированного ученого.

*Директор Института
Археологии РАН, акад.*

Н. А. Макаров

г. Москва

Из воспоминаний учеников и коллег Б. В. Техова

Р. Г. Дзаттитати: «С Багратом Виссарионовичем я познакомился в начале 60-х гг., когда оформлялся в этнографическую экспедицию Л. А. Чибилова в ЮОНИИ. С самого начала меня покорила его чуткость и благорасположенность ко мне как к будущему коллеге. Я сразу же почувствовал его исключительную эрудицию в кавказоведении, и, конечно, в осетиноведении: он во всем разбирался основательно и, разумеется, со своим пониманием и толкованием исторических процессов, протекавших на Центральном Кавказе. Во время работы в Стырфазской экспедиции я был заморожен мастерски выполняемыми Багратом Виссарионовичем раскопками погребальных камер: безукоризненно расчищенные костяки «сами просились» быть запечатленными на ватман. Он часто рассказывал о своем обожаемом учителе – одном из самых выдающихся грузинских археологов – Сандро Каландадзе. Кстати, в семье Сандро (А. Н. Каландадзе) его любили как родного сына. В этом я удостоверился, работая в Жинвальской экспедиции АН Грузии с членами семьи Сандро – супругой и сыном – Соней и Зурико.

Баграт Виссарионович был аккуратен во всем – во внешнем виде, научной работе, даже в полевой работе. При этом в быту – исключительно скромен, даже аскетичен. Баграт Виссарионович возглавлял отдел археологии ЮОНИИ – где все четверо сотрудников – он, Роберт Гаглоев, Аким Сланов и я – были остепененными: он доктор наук, а мы кандидаты наук. Наш отдел этим выделялся во всем институте. И мы во всем были первыми, и по части исполнения научных заданий, и даже во всех мероприятиях научного и хозяйственного плана. Примером служил наш заведующий отделом – Баграт Виссарионович. Написанные им тексты статей и книг почти никогда не нуждались в редакторской правке. Устраивая быт экспедиции, он бывал озабочен всем – ночлегом, доступными удобствами, продовольственным обеспечением. Большим уважением Баграт Виссарионович пользовался и среди советских археологов – «бронзовиков», с которыми поддерживал теплые отношения. Коллеги всегда сердечно приветствовали его во время ежегодных всесоюзных конференций. Многие гостили у него дома. Московский археолог Ольга Дашевская, оценивая его облик, сказала мне – «Вот он настоящий Нарт, живой Нарт Батраз!».

Р. Х. Гаглойти: «Баграт Виссарионович Техов является первым из осетин, в южной части Осетии-Алании, кто еще в 50-ые годы XX века занялся исследованием древностей Осетии. Его изыскания заслуживают большого внимания со стороны исследователей древней истории не только Осетии, но и всего Кавказа. Весь тот огромный материал артефактов и данные по неартефактам, которые он сумел собрать, вошли в сокровищницу нашей истории. Это большой вклад в дело изучения нашей древней истории.

Я благодарен Баграту Виссарионовичу, моему первому учителю, наставнику за его советы, за предоставленную возможность войти в ряды представителей такой интересной дисциплины, профессии, как археология. Начиная со студенческих лет, когда он вел нам курс лекций по древней истории и археологии, когда я 5 сезонов участвовал в его раскопках в Тли, и до его последних дней жизни, я никогда не порывал с ним связей. Очень жаль, что мы потеряли такого крупного специалиста, археолога, на уровне которого сегодня в Осетии я не могу никого поставить, хотя бы как археолога.

Что касается всего материала, собранного Б. В. Теховым, и в большинстве своем демонстрируемого в Национальном музее Республики Южная Осетия, то его значение выражается очень кратко, лаконично – ВОСХИЩЕНИЕ, УВАЖЕНИЕ, ГОРДОСТЬ за наличие у нас предметов культурного наследия такого высочайшего уровня, благодаря усилиям Б.В. Техова, оставившего блестящий след в нашей истории».

Список основных трудов Б. В. Техова

Позднебронзовая культура Лиахвского бассейна: (Древний могильник в с. Тли). Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1957;

Раскопки Юго-Осетинской археологической экспедиции в 1957 году в с. Тли Джавского района // Известия ЮОНИИ. Вып. XL.– Сталинир, 1958;

Могильник эпохи поздней бронзы в с. Тли // Советская Археология. № 2. – Москва, 1960;

Об итогах археологических раскопок в с. Стырфаз // ИЮОНИИ. Вып. X. – Сталинир, 1960;

Об археологических раскопках в с. Осприс // Аннотации докладов научной сессии, посвященной итогам археологических исследований 1959 г. – Тбилиси, 1960;

К вопросу изучения бронзовой культуры горной полосы Юго-Осетии // Известия ЮОНИИ. Вып. XL. – Цхинвал, 1962;

К истории изучения памятников эпохи энеолита и бронзы в нижнем течении реки Большой Лиахвы: (III- I тысячелетия до н. э.). – Тбилиси, 1963;

Археологические раскопки 1962 года в Юго-Осетии // Советская Археология. № 2. – Москва, 1965;

Раскопки Тлийского могильника в 1960 г. // Советская Археология. № 1. – Москва, 1963;

Бронзовые пояса Центрального Кавказа // ИЮОНИИ. Вып. XIII. – Цхинвал, 1964;

Скифские элементы в материальной культуре ЮГО-Осетии // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси, 1966;

Раскопки средневекового поселения в верхнем течении р. Большой Лиахвы // Тезисы докладов секции археологии Кавказа Всесоюзной сессии археологов и этнографов, посвященной полевым исследованиям 1965 г. – Москва, 1966;

К вопросу изучения средневекового городища «Царциат» в с. Едис Джавского района // Научная сессия ЮОНИИ от 5 мая 1967 г. – Цхинвал, 1967;

Об ажурных поясных пряжках из Юго-Осетии // Советская Археология. № 4. – Москва, 1969;

Раскопки Тлийского могильника // Археологические открытия 1968 года. – Москва, 1969;

Археологические изучения Юго-Осетии за 50 лет Советской власти // ИЮОНИИ. Вып. XV.– Цхинвал, 1969;

О культурной общности горных районов Северной и Южной Осетии в конце II и в первой половине I тыс. до н.э. // МАДИСО / Ред. В.А.Кузнецов. Т. II. – Орджоникидзе: СОНИИ, 1969;

Раскопки Тлийского могильника // Археологические открытия 1969 года. – Москва, 1970;

Раскопки Тлийского могильника в 1966 году // Советская Археология. № 4. – Москва, 1970;

Раскопки в Южной Осетии // Археологические исследования в Грузии в 1969 г. – Тбилиси, 1971.

Очерки древней истории и археологии Юга Осетии. – Тбилиси, 1971;

Тлийский могильник и проблема хронологии памятников эпохи поздней бронзы – раннего железа Центрального Кавказа // Советская Археология. № 3. – Москва, 1972;

О появлении и развитии кавказской дуговидной фибулы // Кавказ и Восточная Европа в древности / Отв. ред. Р. М. Мунчаев, В. И. Марковин. – М.: Наука, 1973;

Стырфазские кромлехи. – Цхинвали: Ирыстон, 1974.

О предметах из Тлийского могильника, связанных с древней народной медициной. – ИЮОНИИ. Вып. XVIII. – Тбилиси, 1974;

Об одной категории предметов украшения женского костюма племен Центрального Кавказа в конце II – и в первой половине I тыс. до н.э. – ИЮОНИИ. Вып. XVIII. – Тбилиси, 1974;

Исследования памятников эпохи поздней бронзы в Юго-Осетии // Новейшие открытия советских археологов. Ч 1. – Киев, 1975;

Бронзовые топоры со скульптурным оформлением обуха из Тлийского могильника // Друзья памятников культуры. Вып. 41. – Тбилиси, 1976.

Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. – М.: Наука, 1977;

Бронзовые молоточковидные булавки из Тлийского могильника (к вопросу о проникновении элементов катакомбной культуры на южные склоны Главного кавказского хребта) // Северный Кавказ в древности и в средние века. – Москва, 1980;

Дзарцемский могильник // ИЮОНИИ. Вып. XXIII. – Цхинвал, 1978;

Скифы и материальная культура Центрального Кавказа в VII–VI вв. до н.э. (по материалам Тлийского могильника) // Скифия и Кавказ. – Киев, 1980;

Тлийский могильник I (комплексы XVI–X вв. до н.э.). – Тбилиси: Мецниереба, 1980.

Тлийский могильник II (комплексы IX – первой половины VII вв. до н.э.). – Тбилиси: Мецниереба, 1981.

Тлийский могильник III (комплексы второй половины VII–VI вв. до н.э.). – Тбилиси: Мецниереба, 1985.

Очерки истории Юго-Осетинской автономной области: [в 2 т.] Т. 1: История южных осетин до образования ЮОАО [Б. В. Техов, Л. Д. Рчеулишвили, В. И. Абаев и др.]. – Тбилиси, 1985;

Материальная культура населения среднего течения р. Большой Лиахви в I – VIII вв. – Тбилиси, 1987;

Бронзовые топоры Тлийского могильника. – Тбилиси: Мецниереба, 1988.

О древней металлургии и металлообработке Центрального Кавказа // Кавказ в составе палеометаллических систем Евразии. – Тбилиси, 1991;

Население Северной Осетии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Кобанская культура // История Северо-Осетинской АССР. В 2 т. Т. 1, гл. 2. – Орджоникидзе, 1987;

Осетины – древний народ Кавказа (Истоки, Культура, Этнос). – Цхинвал: ИРЫ-СТОН, 1993;

Кобан и Гальштат (конец II – начало I тыс. до н.э.) // Тезисы докладов на Международной научной конференции по осетиноведению, посвященной 200-летию со дня рождения А. М. Шегрена. – Владикавказ, 1994.

Средняя Европа и Центральный Кавказ в эпоху поздней бронзы и раннего железа // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. Материалы конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.А. Иессена / Ред. Ю.Ю. Пиотровский. – СПб.: ГЭ, 1996.

Кобано-Тлийская культура // Донская археология. № 3-4. Ростов-на-Дону, 1999;

Металлургия Центрального Кавказа: за 2000 до н.э. // Металлоснабжение, сбыт. № 4. – Москва, 2000;

Новый памятник эпохи поздней бронзы в Южной Осетии (стырфазские кромлехи). – Владикавказ – Цхинвал: Изд – во ВНЦ РАН, 2000.

Графическое искусство населения Центрального Кавказа в конце II и в первой половине I тыс. до н.э. (по бронзовым поясам из Тли). – Владикавказ-Цхинвал: Изд-во ВНЦ РАН, 2001.

Тайны древних погребений. – Владикавказ: Проект-Пресс, 2002;

Археология южной части Осетии. – Владикавказ: Ир, 2006;

Кобан-Тли Центрального Кавказа и Гальштатт Средней Европы // Эпос, Мифология, Язык, История / Глав. ред. Франсуа Корнийо, Баграт Техов. NARTAMONGA – Париж – Владикавказ: ВНЦ РАН, 2014.

Выражаю большую благодарность ведущему научному сотруднику СОИГСИ ВНЦ РАН Р. Г. Дзаттиати, директору ЮОНИИ Р. Х. Гаглойти, заведующему отделом этнологии СОИГСИ РАН Л. А. Чибирову, Т. К. Салбиеву, племяннице Баграта Виссарионовича Лали Дмитриевне и другим коллегам за неоценимую помощь при подготовке публикации.